

Солженицын Александр

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Виктория Шохина

ПЕРВЫЙ фильм об Александре Солженицыне прошел в 92-м году по первому каналу ТВ. Снимал его Станислав Говорухин в США, и телезрители могли увидеть то, что для них тогда было terra incognita: быт и бытие вермонтского отшельника. Пожалуй, самое яркое впечатление, врезавшееся в память, — это рабочее место писателя, оборудованное на тюремный лад. Лесистый участок вермонтской усадьбы, огороженный высоким забором. Говорухин (в белом пиджаке) галантно подает руку Наталье Дмитриевне при переходе через ручей, задавая светский вопрос: «Вы бывали на Ниагаре?»...

Исключительное право на съемку своего возвращения на родину в 94-м Солженицыны передали британской компании Би-би-си. Западные тележурналисты добросовестно отсняли весь этот грандиозный проезд через города и веси России, с востока на запад. Фильм оказался неожиданным — с деталями и подробностями, которые вносили в ожидаемый торжественный тон курьезные мотивы. Наверное, англичане работали слишком добросовестно.

Еще один сюжет, связанный с темой «Солженицын и телевидение», — это его собственные выступления на ОРТ, которые шли с апреля по сентябрь 95-го года и внезапно исчезли, что вызвало

Аля (Наталья Дмитриевна).

рез Запад, а Валентину Распутину заткнули сегодня рот, — все равно интересно. Ибо о литературе говорит он живо и убежденно. Литература наша под влиянием Гоголя упустила линию создателя. А Салтыков-Шедрин «уже был горчица просто... Ну что это», — добавляет огорченно.

Это куда интереснее неопределенных разговоров о добре и зле, о жестокости, о нравах — разговоров, напоминающих пародию на типично русский разговор из некоего романа XIX века...

Заканчивает фильм Сокуров странным вопросом: «У вас душа старше или моложе вас». Поразмыслив, Солженицын честно признается: «Не могу ответить».

Фильм Сокурова условен по изображению и безусловен в своем пафосе. Впрочем, к житию нельзя предъявлять требований полноты, детальности и реализма рассказа. Кроме конкретной музыки, саундтрек обеспечивают оркестры под управлением Евгения Мравинского и Евгения Колобова, а также пианист Игнат Солженицын. Оживляют фильм цитаты из прежних работ Сокурова.

БЕРЕГА ДОСТОВЕРНОСТИ

Создатели сериала «Жизнь Солженицына» (НТВ, 07—10.12.98) пошли по другому пути. Прежде всего они отказались от агиографии, не утратив притом ни капли пиетета по отношению к Солженицыну. Фильм оснащен богатым «аппаратом»: хроника разных лет, съемка мест, связанных с жизнью Солженицына, карты,

благополучного изгнания я снова чувствую покров. Но, сердце, как бы ты хотело, чтоб это вправду было так: Россия, звезды, ночь расстрела и весь в черемухе овраг! (Кстати, можно было снять эпизод о невесте Набокова и Солженицына.)

Авторы сериала стремятся к предельной точности, указывая время и место того или иного события, а также его действующих лиц. Так, когда речь идет о войне, показываются кадры из документального фильма тех лет «Восточная Пруссия». И обязательно дается пояснение, что это был Второй Украинский фронт.

Есть в фильме и эксклюзивные интервью, например, с дочерью эстонца Арнгальда Сузи, любянского сокамерника Солженицына. «Если он выживет, будет извещен», — сказал когда-то Хели отец. Показан хутор Хаава под Тарту, который стал, по самовитому слову Александра Исаевича, его укрывищем — там он работал над «Архипелагом ГУЛАГ».

Показаны и другие места, которые могут считаться укрывищами, — глинобитная хата в Кок-Тереке, в казахской ссылке. Матренин двор в Мильцеве Владимирской области — показано и место, где погибла Матрена... А вот дом в Касимовском переулке в Рязани. Дача Чуковских в Перedelкине. И многое, многое другое...

Есть эпизоды веселые — вроде рассказа Солженицына о следователе, который обещал вести допрос всю ночь, а сам (к радос-

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗМА

Новые телефильмы об Александре Солженицыне

Неравенная гажет. — 1998, — 11 дек. — с. 12

огорчение одних и удовлетворение других.

К 80-летию писателя готовилось несколько фильмов: «Узел» Александра Сокурова, «Изгнанный» Олеси Фокиной и «Жизнь Солженицына» Александра Парфенова, Алексея Пищулина и Юрия Прокофьева.

«Изгнанный» заказало НТВ, потом отказалось, и после каких-то сложных переговоров фильм был поставлен в сетку вещания ВГТРК 4 декабря в 21.50, в одно время с «Узлом» Сокурова на ОРТ. Однако проблема выбора, которая могла мучить телезрителей, разрешилась сама собой — в тот день в конце программы «Вести» Михаил Пономарев зачитал просьбу Солженицына о снятии «Изгнанный» с эфира.

ПО КАНОНАМ ЖИТИЯ

«Узел» Александра Сокурова сосредоточен преимущественно на Солженицыне, и только на Солженицыне (чем отчасти напоминает сокурскую же «Советскую элгию» (1989), посвященную Борису Ельцину). Это любопытный образец секулярной агиографии — жития, для которого, согласно законам жанра, важна не конкретика или привязка к реальным обстоятельствам, а пафос и эмоции. Важен месседж. Прочее более или менее условно. Это не означает отсутствия правды жизни — просто жизненные обстоятельства подаются Сокуровым в несколько отвлеченном, призрачном виде. Он, например, не говорит о том, где именно капитан Солженицын вынужден был закончить войну, а говорит так: «К концу войны он уже капитан. И — абсолютно разбуженная душа». Здесь, по мысли автора (следующей, впрочем, путем мысли Солженицына), и начинается путь к праведности, к святости. Тут же возникает тема испытаний и мученичества. «Контрразведчикам надоело читать его вольные письма к другу»...

Герой, как и положено, одинок в мире. Против него «глушоты правителей, смертельный недуг, молчание миллионов свидетелей, зависть цеха». За него лишь трудолюбие и любовь к Родине. Вот путеводная нота «Узла». Время от времени возникает фотография, взятая в ладонь, — Солженицын на Марфинской шарашке, снятый (для внешнего мира) в казенном костюме. Быстрая пробежка по значимым вехам биографии — по тем, что делают судьбу. Говоря о высилке в далекий казахский аул, Сокуров не называет место — для него важнее само ощущение заброшенности на край света и страшные слова приговора — «На вечное поселение».

В патетическом тоне он рассказывает о характере героя: «Мужество его столь велико, жизненная пылкость столь бескорыстна, что он, находясь в раковой больнице, изучает онкологию. Читает много. Пишет, пишет...» Подчеркивается благосклонное участие высших сил в судьбе: «И кажется, сам Бог наблюдал его в эти месяцы и, возлюбив его, обнял и дальше нести самую тяжелую ношу. Он спас его». Чудеса, как известно, удостоверяют святость праведника и стяжание им Духа Божия.

У современного праведника непременно должна быть надежная опора. На экране милостивое умное лицо, удивительно чистые глаза — юная Аля, Наталья Светлова. Может даже показаться, что до их встречи в жизни героя женщин не было... «Она мой самый верный помощник», — говорит Солженицын про жену и проводит рукой по книгам, — «каждую букву здесь переписала».

Настоящий, хороший брак — это прежде всего дети. О сыновьях Солженицына Сокуров говорит подробно: русские мальчики, которые росли в провинциальном Вермонте. Герой у доски дает сыновьям уроки... Ермолай — синодолог, Игнат — пианист, Степан — градостроитель...

Трагическая нота — гибель Мити, сына Натальи Дмитриевны от первого брака. Крупным планом Митя. Потом Аля... Сын и мать. Шум поезда, птичий крик... Возникает тема воздаяния за праведную и подвижническую жизнь: «У многих родителей, глядя на эту фотографию, заболит сердце от несчастливой судьбы своей и своих детей. Но многие ли готовы были в свое время принять трудное решение и следовать ему?»

Жизнью праведника правит нечто высшее: «Провидение внушило ему: он при жизни вернется в Россию».

Стопка из десяти томов «Красного колеса». В судьбе праведника заложено еще одно страшное испытание — быть неуслышанным: «не прочитали... не заметили...» — говорит Сокуров. — Кто знает — может, боялся заглянуть в свое неведомое будущее? Мир должен испытывать чувство вины перед героем, и Сокуров настойчиво подвигает нас на это: «Не знаю, как у вас, у меня было чувство вины... У меня было чувство вины, что нам нечем его встретить».

Разговор с мудрой Натальей Дмитриевной — своего рода рамка фильма; он вбирает в себя все происходящее здесь, в деревенском доме в Троице-Лыкове, все, что было и происходило прежде. Сокурову важна и нужна идея гонимого, никем не понятого праведника, которому никто не помогает... «Много народу нам помогло», — возражает жена Солженицына. — Много помогло». Правда, Сокуров все-таки заставляет ее вспомнить о братьях-писателях, в свое время промолчавших, etc. Агиография набирает силу: «Интеллигенты, народ не замечают самого существования великого современника, который знает ответы на все вопросы». Метель. «Кажется, Ахматова сказала о нем: светнососе». Карточка на ладони, ладанши в стакане...

Во время прогулки среди дере-

Никита Хрущев и Александр Твардовский в Пищуле. Здесь первому секретарю ЦК читали вслух «Ивана Денисовича».

вьев Сокуров смотрит на своего героя не столько почитательно, сколько заискивающе. Да и вопросы задает наивные до глупости — такие, что писателю на них явно не хочется отвечать. Контакта не получается. Сокуров: «Дерево — самое совершенное, что есть в мире...» Солженицын коротко: «Да, вы правы. В этом есть совершенство». Оживает писатель, лишь вспоминая сюжеты своих «крохоток» — липу, разбитую молнией, крик петухов. Впрочем, один нелепый вопрос: «А морозы бывают здесь?» (будто Сокуров приехал в незнакомую страну) — провоцирует воспоминание о том, как возник замысел «Ивана Денисовича» — тогда зек Ш-262 клал кадку в Экибастузе при морозе 35 градусов...

Самые впечатляющие кадры — писатель за рабочим столом. Здесь Сокуров укрупняет агиографию эстетическим натурализмом и столь любимым им долгим кадром. На весь экран — что-то волосатое, время от времени тяжело вздыхающее, шевелящееся, как необычное, сказочное животное. Это борода и усы писателя.

Вздых, опять вздох, идет работа. Быстро движущийся глаз в необычном ракурсе — напряженный, цепкий. Узловатая, старческая рука шариковым «паркером» правит страницу, испитую четким, ровным почерком. Показывание, скрип стула — конкретная музыка бытия.

Интервью в кабинете вышло удачнее. Может быть, потому, что Сокурова мы почти не видим. И хотя трудно согласиться с тем, что Достоевский упер «забытым, заплеванным и безвестным», а вернувшись к нам только че-

схемы, топонимика и т.п. — все это создает даже не фон, а собственно плоть фильма и его плотность. Эпиграф к первому фильму «Восхождение» и, собственно говоря, ко всему сериалу читает писатель: «Если бы мне сказали: придумай сам себе жизнь... Но высшая сила меня как-то все время поправляла: каким-то ударом, каким-то несчастьем или каким-то открытием...» Здесь тоже проартикулирована вера в то, что этому человеку покровительствуют небеса.

«Жизнь Солженицына» полифонична, в ней много участников как современников, так и лиц исторических, много разных голосов, разных судеб. Скажем так: это фильм не только о Солженицыне и, может быть, не столько о Солженицыне. Но о том, как история проходит через человека, как поворачивает его судьбу; как, с другой стороны, личность встраивается в историю... Об узких и порой извилистых тропах, по которым человек пробирался сквозь историю, падала и поднимался.

У Сокурова герой будто находится под стеклянным колпаком, волей автора он изъят из истории (возможно, это специфика жития). Здесь же люди и положения сплетены в тугой узел, он разматывается и сплетается вновь. Но все равно Солженицын остается главным героем и своей жизни, и нашей исторической драмы (или трагедии). Аналоги главок сериала можно найти в «Архипелаге ГУЛАГ», в книгах «Болалас теленок с дубом» и «Угодило зернышко промеж двух жерновов».

Особый момент — голоса за кадром. Прозу читают Михаил Ульянов и сам Солженицын. Документы и комментарии — Алла Демидова. Консультант Людмила Сараскина. Такой состав обеспечивает высокое качество исполнения.

Эпиграф ко второму фильму «Писатель-подпольщик» опять же из Солженицына: «...Из пыльной горящей пустыни я возвращался в Россию... просто наугад». Голды, вместившие в себя слишком многое: и успех «Ивана Денисовича», и снятие Хрущева, и передачу рукописей за границу. Жизнь в подполье. Эпиграф к третьему фильму «Изгнание» — из Набокова:

Оцененого сознания коснется тиканье часов,

ти последственного) смысла к любовнице... Или великодушный пассаж об азиатском диктаторе Иосифе Виссарионовиче Сталине из романа «В круге первом», великолепно прочитанный Михаилом Ульяновым кренделем, с соответствующим видеорядом.

В этом фильме Наталья Дмитриевна тоже выступает в роли комментатора. Но рассказы ее здесь интересные, полноценнее. Не только о муже, но и о том, например, как она редактирует его рукописи. Или — как учила детей своих русскому языку, заставляя каждый день выучивать по стихотворению...

Патетических комментариев, как в случае Сокурова, нет — линия судьбы выстраивается сама по себе, из сцепления всех этих разнообразных событий и обстоятельств.

Да и сам Александр Исаевич здесь не учитель, не праведник, а живой человек. И, о чем бы ни шла речь, говорит с энтузиазмом, часто шутит, не держит утомительно долгих пауз. Забавные детали — тщательное бережное хранение сувениров — метки Ш-262, хранящиеся со времен заключения. Или — кусок хлеба, положенный в карман, когда его депортировали в 74-м. Пролетжал 25 лет — и ничего, симпатичный такой сушарик. («Археология», — говорит Солженицын...) Но особенно хорош Солженицын, когда начинает рассказывать о работе над «Красным колесом» — о том, как проверял и перепроверял факты из мемуаров, документов, газет... Он, конечно, не преминул посвятить на «поверхностность Америки» по сравнению с Европой. Но отметил сразу же тамошнюю великолепную систему библиотечного обслуживания.

Ясно, что обо всем и обо всех рассказать невозможно, и авторы фильма сделали корректный и, скажем так, художественно убедительный отбор информации. Но все-таки кажется странным (с точки зрения сугубо художественной логики) отсутствие в фильме первой жены Натальи Решетовской и Елизаветы Воронянской, которая погибла из-за хранения «Архипелага ГУЛАГ». Может быть, женщины эти не всегда вели себя безупречно, что-то они сделали не так, но они — были. И роль их в жизни Солженицына не из последних... ●

Заклученный на шарашке «Марфино».